УДК 902.01(1-925.11/.16)
DOI: 10.17223/19988613/68/8

В.И. Молодин, М.С. Нестерова, Л.Н. Мыльникова, Л.С. Кобелева

СВИДЕТЕЛЬСТВА СОСУЩЕСТВОВАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ ОДИНОВСКОЙ И КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУР (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ)

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00406 «Население Среднего Приомья в раннем голоцене по материалам новейших археологических комплексов: периодизация, хронология, культурогенез»

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Анализируется несколько форм контактов одиновской и кротовской культур: совместное залегание в одном комплексе керамики на поселениях, обмен технологическими традициями в сфере теплотехники, бронзолитейного и гончарного производств (появление смешанных керамических комплексов, следов заимствования способов устройства очага и форм технической керамики). Радиоуглеродные датировки свидетельствуют о сосуществовании населения одиновской и кротовской культур на протяжении III тыс. до н.э., что обусловлено их проживанием в одном ареале – лесостепной зоне Обь-Иртышского междуречья.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь; эпоха бронзы; одиновская культура; кротовская культура; контакты.

Эпоха ранней–развитой бронзы в Барабинской лесостепи связана с развитием двух археологических культур – одиновской и кротовской. Впервые одиновский тип керамики был выделен М.Ф. Косаревым в 1976 г. в левобережном Прииртышье и отнесен к раннебронзовому этапу [1]. В Приишимье Р.Д. Голдиной и Л.Я. Крижевской аналогичные керамические комплексы были обнаружены на памятниках Кокуй II и Одино [2, 3]. Впоследствии по результатам анализа исследованных крупных погребальных и поселенческих комплексов В.И. Молодин выделил одиновскую культуру [4]. Ее памятники расположены в Приишимье и Притоболье на западе и в Обь-Иртышском междуречье на востоке. Смешанные одино-крохалевские комплексы встречаются на территории Новосибирского Приобья [5].

М.Н. Комарова в Верхнем Приобье по материалам памятника Кротово-7/8 зафиксировала своеобразную керамику [6]. В 1970 г. В.Ф. Генинг объединил памятники с подобной керамикой в отдельный кротовский тип [7], а в 1975 г. В.И. Молодин обосновал выделение особой кротовской культуры [8]. Ее ареал связан с лесостепной зоной от Новосибирского Приобья на востоке до Среднеиртышского озерного края на западе. Таким образом, ареалы двух культур в Обь-Иртышском междуречье совпадают. Наиболее изученный микрорайон, где представлены памятники обеих культур, – западная часть Барабинской лесостепи (Венгеровский район Новосибирской области).

Несмотря на эпохально близкие черты, свойственные всему кругу западносибирских культур этого периода, одиновские и кротовские комплексы отличаются домостроительными характеристиками, погребальной практикой, гончарными традициями [9].

Геоморфологический контекст расположения поселений одиновской культуры характеризуется наличием в непосредственной близости озер и озерных систем. Жилища представляют собой слабоуглубленные, реже наземные, округлые или подпрямоугольные конструкции. Простота устройства некоторых из них позволяет говорить о сезонном характере поселений. Поселения кротовской культуры, как правило, приурочены к речным надпойменным террасам. Жилища более стандартизованы. Это углубленные подпрямоугольные и подтрапециевидные котлованы с каркасно-столбовыми конструкциями и усеченно-пирамидальными крышами.

Могильники обеих культур представлены грунтовыми погребениями, расположенными рядами на высоких надпойменных террасах [10, 11]. На территории Барабинской лесостепи исследован ряд погребальных комплексов, где выявлены захоронения обеих культур (Сопка-2/4Б, В, Тартас-1, Усть-Тартас-2). Для обеих популяций было характерно захоронение умерших в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток с небольшими отклонениями. Однако отличительной чертой одиновской культуры является характерный принцип устройства могильной ямы: приподнятая северо-восточная часть, нередко в виде земляной «подушки», в результате чего череп оказывался заваленным на основание в районе грудного отдела. Встречаются также одиновские сидячие захоронения с вытянутыми ногами. Погребальный инвентарь в целом очень схож. Он представлен костяными предметами, бронзовыми шильями, каменными и костяными наконечниками стрел, украшениями из бронзы и свинца, бронзовыми изделиями сейминско-турбинского облика. Отдельная категория находок связана с предметами мобильного искусства, а также артефактами символиче-

ского неутилитарного характера. Помещение керамической посуды в качестве погребального инвентаря и в одиновской, и в кротовской культуре встречается довольно редко. У носителей традиций кротовской культуры наблюдается использование сосудов для маркирования околмогильного пространства [10, 12].

Одиновской культуре присуща специфическая керамика, представляющая собой плоскодонные баночные или слегка профилированные сосуды, орнаментированные по всей поверхности, включая дно. Основу декора составляют разнонаклонные ряды оттисков гребенки или тонкого гладкого штампа, чередующиеся с поясами ямок округлой, реже луновидной формы. Под венчиком встречаются ряды «жемчужин». У значительной части изделий срез венчика орнаментирован. Иногда оттиски штампов имеются и на зоне под венчиком с внутренней стороны сосуда. Отмечено зональное расположение орнаментальных мотивов: как правило, в верхней части сосудов встречаются диагональные и вертикальные ряды оттисков штампа, тулово орнаментировано горизонтальными чередующимися рядами ямок и оттисков штампа, на дне преобладает концентрический способ расположения орнамента. Особенностью керамического комплекса можно считать изделия с отпечатками «текстиля» на внутренней или (и) реже – наружной поверхности, как результат формовки изделий на основе с прокладкой из текстиля.

Керамический комплекс кротовской культуры представлен сосудами открытой баночной формы с узким, чуть скругленным дном. Встречаются также миниатюрные профилированные сосуды, связанные в большей степени с погребальными комплексами [11]. Как правило, орнаментирована вся поверхность сосуда, за исключением дна, реже – верхние две трети стенок сосуда. Орнамент состоит из крупных поясов шагающей или проташенной гребенки. Верхняя часть сосуда нередко украшена рядами оттисков лопаточки, штампа или ногтевых вдавлений, треугольными мотивами в сочетании с «жемчужинами». Ямки практически отсутствуют. Срез венчика украшен гладкими овальными вдавлениями, формирующими волнообразный край. Часть сосудов орнаментирована наlepными прямыми или волнообразными валиками.

Палеогенетические данные свидетельствуют об общих тенденциях формирования генофонда популяций при своеобразии отдельных структурных вариантов мтДНК [13. С. 178]. Антропологические исследования также подтверждают неярко выраженную антропологическую специфику носителей этих двух культур [14. С. 108].

Традиционная концепция культурно-исторического развития региона предполагает последовательное автохтонное формирование одиновской, а затем кротовской археологических культур. На могильнике Тартас-1 одиновские захоронения (№ 382–384, 410) были перерезаны кротовскими (№ 381, 409). Для этих комплексов получены радиоуглеродные датировки, подтверждающие стратиграфические наблюдения [15]. При этом даты имеют достаточно близкий возраст в калиброванных значениях (XXIX–XXVII вв. до н.э. и XXVII–XXIV вв. до н.э. соответственно) [16].

Изучение истоков формирования данных культурных образований позволило выдвинуть гипотезу о двух линиях культурного развития в лесостепном Обь-Иртышье. К первой относятся памятники с керамикой гребенчато-ямочной традиции, которые оказали несомненное влияние на формирование одиновской культуры, ко второй – памятники усть-тартасской культуры, которые, возможно, послужили основой формирования кротовского комплекса. При этом очень важно, что обе традиции являются в регионе автохтонными [9, 17].

Полученные в последнее время обширные серии радиоуглеродных датировок по погребальным комплексам свидетельствуют о сосуществовании на определенном этапе одиновской и кротовской популяций в III тыс. до н.э. [18, 19]. На это также указывают находки бронзовых изделий сейминско-турбинского типа в закрытых погребальных комплексах обеих культур [20]. Учитывая частичное совпадение ареала этих популяций, встает вопрос о характере их взаимодействия.

Впервые на это обратил внимание один из авторов настоящей работы при анализе материалов поселения Марково-2 [21]. Одна из групп сосудов отличалась нетипичным для одиновской керамики элементом – наличием валика, который для кротовской посуды является одной из характерных черт [21, 22].

Сочетание одиновских и кротовских традиций орнаментации керамической посуды отмечено при исследовании поселения Карьер Тай-1, где был изучен хозяйственно-производственный комплекс эпохи ранней–развитой бронзы [23]. Обнаружены ямы хозяйственного назначения, обособленные двумя концентрическими рвами подковообразной формы. В ямах, рвах и в культурном слое над ними найдены фрагменты керамических сосудов, изделия из камня и кости, а также кости животных и рыбы.

Керамика представлена многочисленными толстостенными фрагментами от разных сосудов баночной формы (не менее 40 фрагментов венчиков, а также два археологически целых сосуда), имеющих самые близкие аналогии с кротовской посудой (рис. 1, 1–10). Сосуды орнаментированы горизонтальными и косо поставленными оттисками гребенчатого штампа, шагающей гребенкой, срез венчика декорирован овальными вдавлениями, формирующими волнообразный край. Большой процент венчиков украшен орнаментальным мотивом, сочетающим в себе треугольники (прочерченные или выполненные оттисками гребенчатого штампа) и жемчужины и / или ямки (рис. 1, 3–5, 8, 13). Следует отметить, что такой способ оформления венчика довольно часто встречается на керамике с кротовских поселений Черноозерье-IV, Инберень-Х, при этом совершенно отсутствует на поселении Венгерово-2 (Бараба). Возможно, в данном случае речь идет о внутренней хронологии развития кротовской культуры и ее керамического комплекса.

Однако наряду с перечисленными выше классическими кротовскими мотивами зафиксированы элементы, свойственные одиновской керамической традиции (рис. 1, 11–20). Так, вместо шагающей гребенки или

оттисков крупнозубого гребенчатого штампа наблюдаются пояса часто поставленных косых оттисков мелкозубой гребенки или гладкого штампа в сочетании с классическим для кротовской керамики оформлением среза венчика (рис. 1, 13–15). Ямки и жемчужины встречаются не только в верхней части сосудов, но и по тулову, а также дну (рис. 1, 11, 12). Наблюда-

ется использование не только горизонтальных, но и вертикальных и диагональных способов построения орнаментальных полей (рис. 1, 18, 19). На некоторых фрагментах фиксируется использование отпечатков «текстиля» как с внешней, так и с внутренней стороны (рис. 1, 20).

Рис. 1. Керамика с поселения Карьер Тай-1: 1–10 – кротовская; 11–20 – синкретичная; 21–25 – одиновская

Рис. 2. Керамические сосуды: 1, 2 – поселение Карьер Тай-1; 3–5 – поселение Венгерово-2

Небольшой процент фрагментов керамики имеет орнамент на внутренней поверхности под венчиком. В одном случае орнамент наблюдается и с внутренней стороны тулова сосуда, при этом использованный орнаментальный мотив – шагающая гребенка – характерен, скорее, для кротовской посуды (рис. 1, 16). Подчеркнем наличие в этом же комплексе, порой в одних и тех же ямах, фрагментов сосудов, орнаментированных в классической одиновской традиции – рядами часто поставленных мелких оттисков гладкого или гребчатого штампа, разреженными поясами округлых или луновидных ямок (рис. 1, 21–25).

Особого внимания заслуживают два археологически целых сосуда. Один из них представлял собой емкость открытой баночной формы (рис. 2, 1). При этом у него четко выделен переход ко дну. Верхняя часть

сосуда украшена мотивом из прочерченных треугольников. Тулово орнаментировано рядами горизонтально поставленных оттисков гребчатого штампа, разреженными поясами луновидных ямок. Дно также было украшено ямками. Второй сосуд – плоскодонная банка закрытого типа со скругленным дном, декорированная по всей поверхности рядами косо поставленных семечковидных вдавлений и рядом округлых ямок под венчиком (рис. 2, 2). Срез венчика орнаментирован оттисками, формирующими волнистый край.

Таким образом, отмечается определенный синкретизм керамического комплекса, совмещающего как кротовские, так и одиновские черты. Данную хронологическую позицию подтверждает радиоуглеродная дата, полученная по кости животного из заполнения рва (NSKA 02396), калиброванная по 2σ – 3090–2701 гг. до н.э.

На поселении кротовской культуры Венгерovo-2 в жилище № 10 был выявлен факт совместного залегания одиновской и кротовской посуды классического облика (рис. 2, 3, 4), а также развал сосуда со смешанными орнаментальными чертами. Это закрытая небольшая баночка с профилированным туловом (рис. 2, 5). Орнамент покрывает всю поверхность сосуда, включая дно. На плечиках расположен ряд оттисков овальной лопаточки, чередующийся с вертикально поставленными оттисками гладкого длинного штампа, соединенными по 3–4, разделяемыми вертикальными рядами оттисков той же овальной лопатки. Придонная часть и дно также украшены оттисками лопаточки. Обработка внутренней поверхности сосуда, характер оформления скругленного дна, его пропорции тяготеют к кротовской керамической традиции, однако ряд ямок под венчиком, сочетание горизонтальных и вертикальных

способов построения орнаментальной композиции, несомненно, свидетельствуют об одиновской традиции оформления сосудов. При этом датировки поселения Венгерovo-2 на сегодняшний день суммарно укладываются в довольно узкий хронологический промежуток начала II тыс. до н.э., что соответствует финальному этапу существования одиновской культуры.

Варианты взаимодействия населения одиновской и кротовской культур фиксируются не только по материалам гончарства. В этом же жилище исследовано теплотехническое сооружение, представляющее собой очаг, одна из стенок которого укреплена фрагментами керамических сосудов [24]. Аналогичный способ устройства очажной конструкции был изучен на поселении одиновской культуры Старый Тартас-5 [25]. Таким образом, зафиксировано заимствование традиции сооружения теплотехнических конструкций (рис. 3, 1–2).

Рис. 3. Очажные устройства: 1 – поселение Старый Тартас-5; 2 – поселение Венгерovo-2

Изучение технической керамики свидетельствует о том, что кротовское население восприняло и бронзолитейные традиции одиновской культуры, а именно использование сложносоставных тиглей овально-каплеобразной формы с толстым дном и хорошо выраженным сливом [26. С. 24].

Особо следует отметить специфику взаимного расположения погребений одиновской и кротовской культур на могильниках Сопка-2, Тартас-1 и Усть-Тартас-2. Как правило, планиграфические группы захоронений располагались компактными рядами, не нарушая друг друга, несмотря на их близкое расположение (за исключением упомянутого выше стратиграфического случая на могильнике Тартас-1). При этом погребальная практика оставалась четко дифференцированной и специфической в рамках культур.

Таким образом, выделены надежные археологические свидетельства контактов двух популяций эпохи

ранней–развитой бронзы на протяжении второй половины III тыс. до н.э. Они проявляются:

- в совместном залегании «чистых» керамических комплексов;
- в наличии посуды со смешанными орнаментальными характеристиками;
- в восприятии мастерами кротовской культуры традиций возведения теплотехнических сооружений у населения одиновской культуры;
- в адаптации в среде кротовского населения бронзолитейных традиций одиновской культуры.

Проникновение в среду кротовской культуры не только изделий, но и технологических приемов, требующих обязательного непосредственного обучения (см., напр.: [27–29]), свидетельствует о тесных взаимоотношениях двух популяций.

Вместе с тем последующие судьбы носителей этих культурных образований демонстрируют для кротов-

ской культуры дальнейшую эволюцию и взаимодействие с западными пришельцами – андроновцами (федоровцами) вплоть до их слияния и формирования нового этнокультурного образования, именуемого позднекротовской (черноозерской) культурой [30]. Судьба носителей одиновской культуры остается пока неизвестной. Во всяком случае, в начале II тыс. до н.э. мы не находим на рассматриваемой территории каких-

либо следов ее проявления. Можно предполагать, что с приходом в регион андроновцев (федоровцев), а также уже смешанных с кротовцами популяций, носители одиновской культуры были сдвинуты в южно-таежную зону, где смешались с носителями ранней сузгунской культуры, что находит проявление в достаточно своеобразном «барабинском» варианте сузгунской культуры [31].

ЛИТЕРАТУРА

1. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1976. 69 с.
2. Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л. : Изд-во ЛГУ, 1977. 128 с.
3. Голдина Р.Д., Крижевская Л.Я. Одино – поселение эпохи ранней бронзы в западно-сибирском лесостепье // КСИА. М. : Наука, 1971. Вып. 127. С. 72–77.
4. Молодин В.И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблемы выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008. С. 9–13.
5. Гришин А.Е., Марченко Ж.В. Проблема содержания терминов «крохалёвский керамический тип» и «крохалёвская культура» в свете новых данных (могильник Крохалёвка-5, Верхнее Приобье) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. 1. С. 286–287.
6. Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1956. Вып. 64. С. 93–103.
7. Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. С. 12–51.
8. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск : Наука, 1977. 174 с.
9. Молодин В.И. Современное состояние проблемы относительной и абсолютной хронологии Обь-Иртышской лесостепи в эпоху неолита и бронзы // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019. № 1. С. 3–12.
10. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск, 2012. Т. 3. 220 с.
11. Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск, 2016. Т. 4. 452 с.
12. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Райнхольд С. Новый могильник кротовской культуры в Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 304–309.
13. Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромашенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи V–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2013. 220 с.
14. Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. Новосибирск, 2012. 468 с.
15. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3. С. 40–56.
16. Марченко Ж.В., Молодин В.И. Погребальные комплексы эпохи бронзы могильника Тартас-1, их стратиграфическая позиция и радиоуглеродное датирование // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 138–145.
17. Молодин В.И. Направления миграционных потоков в эпоху ранней-развитой бронзы. Барабинская лесостепь (по данным археологии, антропологии и палеогенетики) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 22–26.
18. Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка-2 эпохи ранней – развитой бронзы // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. Т. XVI. С. 240–246.
19. Молодин В.И., Марченко Ж.В., Орлова Л.А., Гришин А.Е. Хронология погребальных комплексов одиновской культуры памятника Сопка 2/4а (лесостепная полоса Обь-Иртышского междуречья) // Древние культуры степей Евразии и их связь с цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 237–242.
20. Marchenko Z.V., Svyatko S.V., Molodin V.I., Grishin A.E., Rykun M.P. Radiocarbon chronology of complexes with Seima-Turbino type objects (Bronze Age) in Southwestern Siberia // Radiocarbon. 2017. Vol. 59, № 5. P. 1381–1397.
21. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
22. Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 53–75.
23. Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Молодин В.И., Райнхольд С. Бронзолитейный комплекс эпохи ранней-развитой бронзы на поселении Карьер Таи-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 402–408.
24. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борзых К.А., Борило Б.С. Венгерово-2: новые данные по кротовской культуре // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 368–373.
25. Молодин В.И., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н. Особенности поселения одиновской культуры Старый Тартас-5 в Барабинской лесостепи // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 110–124.
26. Дураков И.А., Кобелева Л.С. Техническая керамика кротовской культуры центральной Барабы // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. Вып. 49. С. 23–25.
27. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. : Наука, 1978. 272 с.
28. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М. : ИА РАН, 2012. 384 с.
29. McClure S. Gender, Technology, and Evolution: Cultural Inheritance Theory and Prehistoric Potters in Valencia, Spain // American Antiquity. 2017. Vol. 72 (3). P. 485–508.
30. Молодин В.И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография, антропология Евразии. 2014. № 1. С. 49–54.

31. Молодин В.И., Чемякина М.А. Поселение Новочекино-3 – памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул : Изд-во АГУ, 1984. С. 40–62.

Vyacheslav I. Molodin, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Marina S. Nesterova, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: msnesterova@gmail.com

Lyudmila N. Mylnikova, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mylnikova@yandex.ru

Lilia S. Kobeleva, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kobeleva@archaeology.nsc.ru

EVIDENCE OF THE COEXISTENCE OF THE POPULATION OF THE ODINO AND KROTOVO CULTURES (BASED ON MATERIALS FROM THE BARABA FOREST-STEPPE)

Keywords: Baraba forest-steppe; Bronze Age; Odino culture; Krotovo culture; contacts.

The early-developed of Bronze Age in the Baraba forest-steppe is associated with the development of Odino and Krotovo archaeological cultures. The traditional concept of the cultural and historical development of this region supposes the consistent autochthonous formation of the Odino, and then the Krotovo archaeological cultures. However, the large series of radiocarbon dates obtained in recent years indicate their coexistence in the 3rd millennium BC. This hypothesis is also indicated by the finds of bronze items of the Seima-Turbino type in the burial complexes of both cultures. As a result of the study of the formation origins of these cultures, V.I. Molodin proposed a hypothesis about two lines of cultural development in the Ob-Irtysh forest-steppe. The first line is the sites with ceramics of the comb-and-pit ornamental tradition. This tradition influenced the formation of Odino culture. The second line is connected with the sites of the Ust-Tartas culture of the Early Metal Age. This population may have served as the basis for the formation of the Krotovo culture. At the same time, it is very important that both traditions are autochthonous in the region. The area of populations of Odino and Krotovo cultures coincides in the forest-steppe zone. What is the evidence of their coexistence in archaeological material?

One of the contact options is insinuated by the appearance of a ceramic complexes with mixed features. One group of ceramics at the Markovo-2 settlement of the Odino culture was decorated with a raised border, which is a characteristic feature in the ornamentation of Krotovo ceramics. We also noted the combination of Odino and Krotovo ornamentation traditions of ceramic vessels during the study of the Karyer Tai-1 settlement. The foundry complex of the early-developed Bronze Age was studied there. Another variant of interaction was noted at the Vengerovo-2 settlement of the Krotovo culture. The fact of joint deposit of Odino and Krotovo dishes in the same dwelling was studied. We also noted that the Krotovo population adopted the tradition of fire installation's constructing and the bronze casting traditions of the Odino culture (for ex. the use of specific melters).

We should also note the particularity of the mutual arrangement of the burials of the Odino and Krotovo cultures at the Tartas-1, Sopka-2 and Ust-Tartas-2 burial grounds. Planigraphic groups of burials were arranged in compact rows, without disturbing each other, despite their close location. At the same time, the burial practice remained clearly differentiated and specific for each culture.

Thus, we observe certain archaeological evidence of contacts between the two populations of the Early-Developed Bronze Age throughout the entire 3rd millennium BC. This interaction was expressed in: 1) the presence of ceramics with mixed features, 2) the conjoint deposit of "pure" ceramic complexes, 3) the perception and adaptation of the bronze casting and fire installation traditions of the Odino culture among the Krotovo population.

REFERENCES

- Kosarev, M.F. (1976) *Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri* [Bronze Age of Western Siberia]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
- Krizhevskaya, L. Ya. (1977) *Rannebronzovoe vremya v Yuzhnom Zaural'e* [Early Bronze Time in the Southern Trans-Urals]. Leningrad: Leningrad State University.
- Goldina, R.D. & Krizhevskaya, L.Ya. (1971) Odino – poselenie epokhi ranney bronzy v zapadno-sibirskom lesostep'e [Odino – a settlement of the Early Bronze Age in the West Siberian forest-steppe]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii – KSIA* (Brief Communications of the Institute of Archaeology). 127. pp. 72–77.
- Molodin, V.I. (2008) Odinovskaya kul'tura v Vostochnom Zaural'e i Zapadnoy Sibiri. Problemy vydeleniya [Odinovskaya culture in the Eastern Trans-Urals and Western Siberia. The allocation problems]. In: *Rossiya mezhdu proshlym i budushchim: istoricheskiy opyt natsional'nogo razvitiya* [Russia between the past and the future: the historical experience of national development]. Ekaterinburg: UrB RAS. pp. 9–13.
- Grishin, A.E. & Marchenko, Zh.V. (2017) Problema sodержaniya terminov "krokhalevskiy keramicheskiy tip" i "krokhalevskaya kul'tura" v svete novykh dannykh (mogil'nik Krokhalevka-5, Verkhnee Priob'e) [The problem of the content of the terms "Krokhalevka ceramic type" and "Krokhalevka culture" in the light of new data (burial ground Krokhalevka-5, Upper Ob region)]. *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda*. 1. pp. 286–287.
- Komarova, M.N. (1956) Neolit Verkhnego Priob'ya [Neolithic of the Upper Ob Region]. *KSIMK* – Brief Reports of the Institute of the History of Material Culture. 64. pp. 93–103.
- Gening, V.F., Gusentsova, T.M., Kondratiev, O.M., Stefanov, V.I. & Trofimenko, V.S. (1970) Periodizatsiya poseleniy epokhi neolita i bronzovogo veka srednego Priirtysh'ya [Periodization of neolithic and bronze age settlements of the middle Irtysh region]. In: Matyushchenko, V.I. (ed.) *Problemy khronologii i kul'turnoy prinalozhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoy Sibiri* [Problems of chronology and cultural belonging of archaeological monuments of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 12–51.
- Molodin, V.I. (1977) *Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh* [Neolithic and Bronze Age of the Forest-Steppe Ob-Irtysh Region]. Novosibirsk: Nauka.
- Molodin, V.I. (2019) Relative and absolute chronology of Neolithic-Bronze Age archaeological cultures in Ob-Irtysh forest-steppe: contemporary situation. *Multidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii – Multidisciplinary Research in Archeology*. 1. pp. 3–12. (In Russian).
- Molodin V.I. (2012) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury* [Monument Sopka-2 on the Omi River. Cultural-chronological analysis of burial complexes of the Odino culture]. Novosibirsk. Vol. 3. 220 p.
- Molodin, V.I. & Grishin, A.E. (2016) *Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoy kul'tury* [Monument Sopka-2 on the Omi River. Cultural-chronological analysis of burial complexes of the Krotovo culture]. Vol. 4. Novosibirsk: SB RAS.
- Molodin, V.I., Mylnikova, L.N., Nesterova, M.S., Kobeleva, L.S. & Raynkhold, S. (2018) Novyy mogil'nik krotovskoy kul'tury v Barabe [New Burial Ground of the Krotovo Culture in Baraba Forest-Steppe]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 24. Novosibirsk: SB RAS. pp. 304–309.
- Molodin, V.I., Pilipenko, A.S., Chikisheva, T.A., Romashchenko, A.G., Zhuravlev, A.A., Pozdnyakov, D.V. & Trapezev, R.O. (2013) *Multidistsiplinarnye issledovaniya naseleniya Barabinskoy lesostepi V–I tys. do n.e.: arkheologicheskii, paleogeneticheskii i antropologicheskii aspekty* [Multidisciplinary studies of the population of the Baraba forest-steppe in the 5th – 1st millennia BC: archaeological, paleogenetic and anthropological aspects]. Novosibirsk: SB RAS.
- Chikisheva, T.A. (2012) *Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epokhi neolita – rannego zheleza* [Dynamics of anthropological differentiation of the population of the south of Western Siberia in the Neolithic – Early Iron Age]. Novosibirsk: SB RAS.
- Molodin, V.I., Mylnikova, L.N., Novikova, O.I., Durakov, I.A., Kobeleva, L.S., Efremova, N.S. & Soloviev, A.I. (2011) Periodization of Bronze Age Cultures in the Ob-Irtysh Forest-Steppe: The Stratigraphic Position of Early and Middle Bronze Age Burials at Tartas-1. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3. pp. 40–56. (In Russian).

16. Marchenko, Zh.V. & Molodin, V.I. (2017) Pogrebal'nye komplekсы epokhi bronzy mogil'nika Tartas-1, ikh stratigraficheskaya pozitsiya i radiouglerodnoe datirovanie [Burial complexes of the Bronze Age at the Tartas-1 burial ground, their stratigraphic position and radiocarbon dating]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Mul'tidistsiplinarnye metody v arkhologii: noveyshie itogi i perspektivy* [Multidisciplinary Methods in Archeology: The Latest Results and Prospects]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 138–145.
17. Molodin, V.I. (2016) The directions of migration flows during an era early and the developed bronze. Baraba forest-steppe (according to archeology, anthropology and paleogenetics). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(42). pp. 22–26. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/42/4
18. Molodin, V.I., Marchenko, Zh.V., Grishin, A.E. & Orlova, L.A. (2010) Novye dannye po radiouglerodnoy khronologii pogrebal'nykh kompleksov mogil'nika Sopka-2 epokhi ranney – razvitoy bronzy [New data on the radiocarbon chronology of the burial complexes of the Sopka-2 burial ground of the Early – Developed Bronze Age]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 16. Novosibirsk: SB RAS. pp. 240–246.
19. Molodin, V.I., Marchenko, Zh.V., Orlova, L.A. & Grishin, A.E. (2012) Khronologiya pogrebal'nykh kompleksov odinovskoy kul'tury pamyatnika Sopka 2/4a (lesostepnaya polosа Ob'-Irtyskogo mezhdurech'ya) [Chronology of burial complexes of the Odino culture at the Sopka 2 / 4a monument (forest-steppe belt of the Ob-Irtys interfluvium)]. In: *Drevnie kul'tury stepey Evrazii i ikh svyaz' s tsivilizatsiyami* [Ancient cultures of the Eurasian steppes and their relationship with civilizations]. Vol. 1. St. Petersburg: RAS, Periferiya. pp. 237–242.
20. Marchenko, Z.V., Svyatko, S.V., Molodin, V.I., Grishin, A.E. & Rykun, M.P. (2017) Radiocarbon chronology of complexes with Seima-Turbino type objects (Bronze Age) in Southwestern Siberia. *Radiocarbon*. 59(5). pp. 1381–1397. DOI: 10.1017/RDC.2017.24
21. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
22. Stefanova, N.K. (1988) Krotovskaya kul'tura v Srednem Priirtysh'e [The Krotovo culture in the Middle Irtysh region]. In: Kovaleva, V.T. (ed.) *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri* [Material culture of the ancient population of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk: [s.n.]. pp. 53–75.
23. Kobleva, L.S., Nenakhov, D.A., Durakov, I.A., Mylnikova, L.N., Nesterova, M.S., Molodin, V.I. & Raynkhold, S. (2019) Bronzolitenny kompleks epokhi ranney-razvitoy bronzy na poselenii Kar'er Tai-1 (Barabinskaya lesostep') [Bronze-casting complex of the Early-Developed Bronze Age at the settlement of Karyer Tai-1 (Baraba forest-steppe)]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 25. Novosibirsk: SB RAS. pp. 402–408.
24. Molodin, V.I., Mylnikova, L.N., Nesterova, M.S., Borzykh, K.A. & Borilo, B.S. (2017) Vengrovo-2: novye dannye po krotovskoy kul'ture [Vengrovo-2: New Data on the Krotovo Culture]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Vol. 23. Novosibirsk: SB RAS. pp. 368–373.
25. Molodin, V.I., Nesterova, M.S. & Mylnikova, L.N. (2014) Complex projects “Culture, society and human in the Paleometal era (Urals and western Siberia). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 13(3). pp. 110–124. (In Russian).
26. Durakov, I.A. & Kobleva, L.S. (2017) The technical ceramics of Krotovo culture (Central Baraba). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 49. pp. 23–25. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/49/4
27. Bobrinsky, A.A. (1978) *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya* [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow: Nauka.
28. Tsetlin, Yu. B. (2012) *Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda* [Ancient ceramics. Theory and methods of the historical and cultural approach]. Moscow: RAS.
29. McClure, S. (2017) Gender, Technology, and Evolution: Cultural Inheritance Theory and Prehistoric Potters in Valencia, Spain. *American Antiquity*. 72(3). pp. 485–508. DOI: 10.2307/40035857
30. Molodin, V.I. (2014) The Late Krotovo (Cherno-Ozerye) Culture in the Irtysh Forest-Steppe, Western Siberia. *Arkheologiya, etnografiya, antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 42(1). pp. 49–54. (In Russian).
31. Molodin, V.I. & Chemyakina, M.A. (1984) Poselenie Novochechino-3 – pamyatnik epokhi pozdney bronzy na severe Barabinskoy lesostepi [Settlement Novochechino-3 is a monument of the Late Bronze Age in the north of the Barabinsk forest-steppe]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Arkheologiya i etnografiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology and Ethnography of Southern Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 40–62.